

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО –
ВСЕЛЕНСКОЕ ЗЛО?**

Препринт WP3/2019/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2019

УДК 330.14
ББК 65.011
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Ростислав Исаакович.

К20 Экономическое неравенство — вселенское зло? [Текст] : препринт WP3/2019/01 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 28 с. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 66 экз.

В работе на примере двух стран — США и России — показывается, что в настоящее время измерения неравенства все еще пребывают в состоянии статистической «какофонии». При столь шаткой основе попытки выносить безапелляционные нормативные суждения и давать рекомендации правительствам выглядят как минимум преждевременными. Более того, сама общепринятая практика делать нормативные выводы исходя из количественных показателей неравенства является этически некорректной, поскольку «обычные» люди (неинтеллектуалы) склонны судить о приемлемости/неприемлемости богатства и доходов не по тому, насколько они малы или велики, а по тому, как они были получены, — с нарушением или без нарушений правил «честной игры». Автор приходит к выводу, что всемирная кампания по «борьбе» с неравенством была развязана левыми интеллектуалами с целью еще более усилить свою дискурсивную власть над современным обществом.

УДК 330.14
ББК 65.011

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Капелюшников Р. И., 2019
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2019

Введение

Сначала коротко о терминах.

Понятие неравенства имеет множество значений и может прилагаться к различным сферам жизни общества. В моих заметках речь пойдет исключительно о *количественном* неравенстве в *экономических* показателях (слова, набранные курсивом, здесь ключевые). Подчеркну еще раз: при использовании термина «неравенство» я всегда и во всех случаях буду иметь в виду *масштабы вариации в результатах экономической деятельности* и ничего больше. Такой ракурс избран не потому, что я считаю его, как выразился бы В. Ленин, архиважным или архиинтересным. Просто общемировая дискуссия центрирована сегодня именно на нем.

В последнее время политическая, экономическая и интеллектуальная элита многих стран оказалась буквально одержима проблемой неравенства. Эта тема не сходит со страниц газет и экранов телевизоров; вокруг нее кипят страсти в блогосфере; ежегодно публикуются тысячи посвященных ей книг и статей — как академических, так и публицистических; сплошным потоком, одна за другой, на нас обрушиваются цифры, показывающие, каких ужасающих масштабов достигает сегодня неравенство. Мейнстримный взгляд на вещи прост и однозначен: в последние полтора-два десятилетия неравенство везде и всюду росло невиданными никогда ранее темпами; сейчас оно вплотную приблизилось к рекордным по историческим меркам уровням либо даже превзошло их; если так пойдет и дальше, миру грозят неисчислимые бедствия — социальные конфликты, революции и даже распады целых наций; чтобы взять ситуацию под контроль, правительства должны не просто положить конец этой безудержной эскалации, но и резко сократить уже существующие уровни неравенства; только так человечеству удастся избежать надвигающейся на него катастрофы.

Так мыслят мейнстримные политики (вроде Барака Обамы или Хилари Клинтон), мейнстримные представители бизнеса (вроде Уоррена Баффета или Джорджа Сороса), мейнстримные экономисты (вроде Пола Кругмана, Джозефа Стиглица или Тома Пикетти), мейнстримные интеллектуалы (вроде Ноама Хомского). Бывший президент США Б. Обама провозгласил проблему неравенства ключевым вызовом, стоящим перед нацией, добавив, что все, что делала его администрация, было направлено на борьбу с ней. В ходе последних президентских выборов в США

Х. Клинтон сравнила неравенство с раковой опухолью, разъедающей общество. Число таких высказываний можно множить и множить. Суммируя в краткой формуле: неравенство — вселенское зло, на борьбу с которым, сомкнув ряды, должны встать все люди доброй воли.

Отсюда видно, как легко и непринужденно борьба с неравенством может перетекать в охоту на ведьм: ведь всякий, кто думает иначе, автоматически попадает в число людей недоброй воли, то есть предстает моральным и интеллектуальным монстром. Как ни удивительно, но до сих пор и в самом деле изредка встречаются диссиденты (впрочем, их совсем мало), не разделяющие повальной одержимости проблемой неравенства. Свою главную задачу я вижу именно в этом — в том, чтобы объяснить, почему чудаки, придерживающиеся таких эксцентрических взглядов, не повывелись еще окончательно.

Если бы я не был ограничен рамками статьи, мое объяснение состояло из двух частей. Первая была бы чисто фактологической: в ней бы речь шла о том, какие показатели неравенства существуют; на основе каких данных и с помощью каких процедур они рассчитываются; насколько совпадают или не совпадают оценки, получаемые разными исследователями и статистическими ведомствами разных стран, и насколько им можно доверять. Вторая была бы нормативной: в ней я бы попытался показать, почему количественное неравенство не представляет этической проблемы и почему его некорректно оценивать в нормативных терминах; почему на вопрос «Неравенство — это хорошо или плохо?» правильным ответом будет «Ни то ни другое», поскольку сам этот вопрос лишен смысла (подобно тому, как лишен смысла такой, например, вопрос: «Каков на вкус красный цвет — сладкий или горький?»); наконец, почему «обычные» люди (неинтеллектуалы) склонны судить о приемлемости/неприемлемости богатства и доходов не по тому, насколько они велики или малы, а по тому, как они были получены, — с нарушением или без нарушений правил «честной игры» (то есть предметом их нормативных суждений оказывается не «количество» неравенства, а его «качество»). Однако в настоящих заметках я ограничусь обсуждением (причем тоже неполным и фрагментарным) только первой, фактологической стороны дела, оставив обсуждение более сложных и более спорных нормативных аспектов на будущее.

Неравенство – какое из?

На практике существует множество способов измерения неравенства. Неравенство в рыночных доходах (до вычета налогов и предоставления трансфертов) – это не то же самое, что неравенство в располагаемых доходах (после вычета налогов и предоставления трансфертов); неравенство в денежных доходах – это не то же самое, что неравенство в полных доходах (с учетом поступлений в натуральной форме); неравенство в текущих доходах – это не то же самое, что неравенство в пожизненных доходах; неравенство в доходах – это не то же самое, что неравенство в уровнях потребления (показатели доходов и потребления могут расходиться в тех случаях, когда мы сберегаем часть заработанного или, наоборот, прибегаем к заимствованиям); неравенство между индивидами – это не то же самое, что неравенство между домохозяйствами (семьями) или налогоплательщиками; неравенство в богатстве (показатели запасов) – это не то же самое, что неравенство в доходах (показатели потоков); проблема неравенства – это не то же самое, что проблема бедности; наконец, персональное распределение доходов (между индивидами) – это не то же самое, что функциональное распределение доходов (между факторами производства).

Альтернативные формы экономического неравенства могут отличаться друг от друга не только по величине, но также по темпам и направленности изменений. Соответственно, первый вопрос, который нужно задавать себе при встрече с любыми количественными оценками неравенства: это оценки *чего?*

Если нас прежде всего волнуют *различия в реальном благосостоянии* людей, то для их измерения лучше всего подходят два показателя, хотя и они, конечно, неидеальны. Во-первых, это уровни потребления: ведь в конечном счете именно потребление, а не доход служит для нас источником «полезности», удовлетворений, жизненных благ. Во-вторых, это пожизненные доходы. От года к году многие из нас могут испытывать очень сильные колебания в доходах, но на длительных интервалах времени эти колебания сглаживаются. Кроме того, при оценивании текущих доходов мы сравниваем людей, находящихся на разных стадиях жизненного цикла: у каждого поколения доходы низки в молодости, возрастают в зрелые годы и вновь снижаются в старости. Показатели неравенства в пожизненных доходах свободны от искажающего влияния фактора возраста и потому оказываются намного точнее и информативнее.

Оценки, относящиеся к разным странам и разным периодам времени, показывают, что показатели неравенства в текущих доходах как минимум в 1,5–2 раза превышают показатели неравенства в уровнях потребления или пожизненных доходов. Отсюда видно, как небезопасно судить о неравенстве в благосостоянии людей по стандартным показателям неравенства, чаще всего попадающим в поле зрения как исследователей, так и широкой публики.

Откуда данные?

Существует два основных источника данных, откуда мы можем черпать сведения о неравенстве. Оба имеют множество недостатков и ограничений (каждый — свои) и оба чреватые серьезными искажениями реального положения дел.

Первый — это выборочные обследования домохозяйств. «Врожденные» дефекты этого источника давно и хорошо известны. Во-первых, мы никогда не можем быть до конца уверены в репрезентативности результатов таких обследований. Во-вторых, при их проведении высок риск получения от респондентов неверной информации из-за ошибок припоминания и сознательных искажений. В-третьих, каким бы подробным ни был опросный инструментарий, какие-то виды доходов все равно могут остаться неучтенными. Но, пожалуй, главный изъян таких обследований связан с тем, что они не схватывают «правого хвоста» распределения по доходам и богатству из-за физической невозможности для интервьюеров проникать в богатые и сверхбогатые дома. Как следствие, для того, чтобы реконструировать полную картину распределения доходов или богатства, к опросным данным приходится приклеивать «правый хвост» либо исходя из тех или иных априорных предпосылок, либо используя те или иные альтернативные источники данных. «Приклеили» справа большой «хвост» — получили громадное неравенство, «приклеили» маленький — получили крошечное. При любых вариантах простор для исследовательского произвола остается более чем внушительным.

Другой возможный источник — данные административной (налоговой) статистики. Он позволяет успешно решать проблему «правого хвоста» распределения (поскольку богатые тоже платят налоги), но с ним другая беда. В этом случае полностью не охваченным остается гигантский сегмент получателей нулевых, низких и средних доходов. Это те,

кто либо вообще ничего не зарабатывает, либо получает доходы, законодательно выведенные из-под налогообложения. Чем больше доходов, с которых не платятся налоги, тем менее представительными оказываются административные данные. Вдобавок само понятие «налогоплательщик» далеко не однозначно: иногда это индивиды, иногда семейные пары, иногда целые семьи. Наконец, нельзя забывать о мощных стимулах к сознательному сокрытию доходов с целью полного или частично ухода от налогов. В результате в США, например, вне охвата налоговой статистикой остается почти половина (40%!) всех доходов населения. Одним словом, при ближайшем рассмотрении административная статистика оказывается такой же «дырявой», как и опросная. Отличие лишь в том, что в этом случае «приклеивать» к исходным данным приходится уже не правую, а левую часть распределения.

Экономическое неравенство — это не физический объект, к которому можно подойти с линейкой, померить длину, ширину и высоту и перемножить, чтобы получить величину объема. Никакая оценка масштабов неравенства не может считаться «объективным фактом». В нагрузку к фрагментам объективной информации мы всегда получаем громадный «мешок» с множеством условностей, допущений, предположений, вменений, до-счетов, перерасчетов, корректировок, передатировок, взвешиваний, перевзвешиваний, экстраполяций, интерполяций и т.д. Поменяйте содержимое «мешка» и вы получите совершенно другую картину: большое неравенство превратится в маленькое, а маленькое в большое. Подчеркну еще раз: кочующие из публикации в публикацию шокирующие цифры по неравенству не даны «объективно»; все они в большей или меньшей мере представляют собой продукт творчества самих «счетчиков».

Стоит ли поэтому удивляться, что статистика неравенства до сих пор остается серой зоной, где ничего похожего на консенсус не наблюдается даже среди специалистов? Несколько лет назад, в 2015 г., вышел специальный номер *Journal of Economic Inequality*, посвященный сравнительному анализу наиболее авторитетных международных баз данных по неравенству [*Journal of Economic Inequality*, 2015]. В нем создатели этих информационных ресурсов рассказывали о своей работе и оценивали работу других. Мне кажется, что такой брани, близкой к площадной, я не встречал на страницах академических изданий никогда. Каждый доказывал, что только он считает все правильно, обвиняя других во всевозможных методологических прегрешениях.

Вопрос (риторический): если даже асы по измерению экономического неравенства до сих пор не могут договориться между собой, то, может быть, неспециалистам стоит воздерживаться от жонглирования непонятно какими цифрами и не вставать в позу мудрецов, знающих, куда катится мир? Может быть, надо быть скромнее и умерить свои пророческие амбиции?

Цена вменений

Но так ли уж велики расхождения в оценках, чтобы вообще придавать им значение? Лучшим полигоном, чтобы проверить это, может считаться американская статистика по неравенству, по общему признанию, самая добротная, самая точная и самая надежная.

В США механика получения официальных оценок по неравенству доходов примерно такова. Сначала Бюро цензов (The Census Bureau), используя результаты регулярно проводимых им выборочных обследований домохозяйств, рассчитывает первоначальные, «сырые» оценки. Затем Бюджетное управление Конгресса США (Congressional Budget Office – CBO) доводит их «до ума», внося необходимые корректировки и добавляя неучтенные виды доходов. Оценки CBO рассматриваются как наиболее полные и, по сути, имеют статус «официальных».

Азбучной истиной считается то, что США – это страна с самым высоким неравенством по доходам среди всех развитых стран. Оценки коэффициента Джини, по располагаемым доходам, представленные на рис. 1, наглядно это подтверждают (для США использована оценка CBO). С показателем 0,45 США идут с громадным отрывом от всех остальных развитых стран. Казалось бы, их «лидерство» – неоспоримый факт. Но совсем недавно один американский статистик, проработавший много лет в Бюро статистики труда (Bureau of Labor Statistics), решил подвергнуть его проверке и обнаружил немало удивительного [Early, 2018].

В США на федеральном уровне действует 83 трансфертных программы, связанных с проверкой нуждаемости (means-testing). Догадайтесь: сколько из них учитывается при получении «официальных» оценок по неравенству? Семь! Помимо этого существует еще около двух десятков программ, которые формально не связаны с проверкой нуждаемости, но по факту также являются трансфертными, так как перекачивают деньги от одних групп населения к другим. При учете всех неучтенных

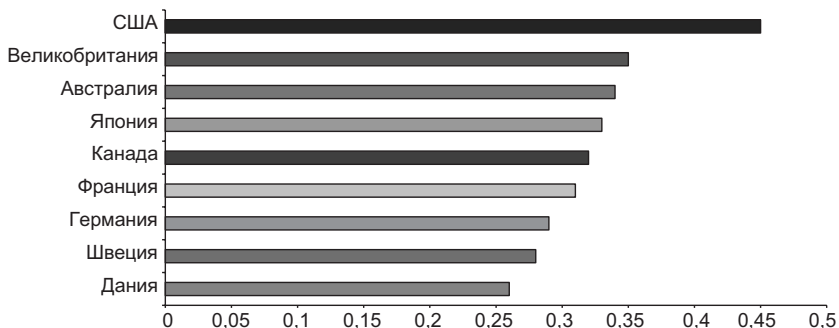

Рис. 1. Коэффициент Джини по располагаемым доходам, развитые страны, 2016 г.

Источники: США: [Congressional Budget Office, 2016]; остальные страны: [Organisation for Economic Co-operation and Development, 2018].

перераспределительных программ общий объем трансфертов в США увеличивается почти вдвое – на 1 триллион (!) долларов в абсолютном выражении (это не намного меньше суммы учтенных трансфертов, составляющей 1,5 триллиона долларов). Но это еще не конец истории. В «официальных» оценках учтены федеральные налоги, но не учтены штатные и местные. В конечном счете после учета *всех* трансфертов и *всех* налогов коэффициент Джини для США сокращается вдвое – с 0,45 до 0,23, и из страны с *самым высоким* они превращаются в страну с *самым низким* неравенством среди всех развитых стран (рис. 2). Как видим, не только отдельные исследователи, но и официальные статистические ведомства могут с успехом исказить действительные масштабы неравенства, дезориентируя не только публику, но и самих себя.

Для такой гигантской и внутренне неоднородной страны, как США, коэффициент Джини, равный 0,23, – это фантастически низкий уровень. При взгляде на эту цифру трудно удержаться от вывода, что практически ничего, с чем нужно было бы продолжать «бороться», в США уже не осталось. В самом деле: как показывает табл. 1, доходы самых богатых 20% американцев превосходят сегодня доходы самых бедных 20% в жалкие *три раза!* Возникает также подозрение, что борьба с неравенством в США могла уже зайти слишком далеко, чтобы начать вредить экономике и портить жизнь «обычным» людям. В самом деле: как следует из той же таблицы, доходы среднего квинтиля превосходят доходы

нижнего квинтиля лишь в 1,2 раза. Предположим, что нижняя группа включает только тех, кто сидит на «вэлфере», а центральная — только тех, кто зарабатывает на жизнь собственным трудом. Вопрос: захотят ли получатели пособий слезать с иждивения у государства и выходить на рынок труда, если в лучшем случае это даст им лишь двадцатипроцентную прибавку в доходах?

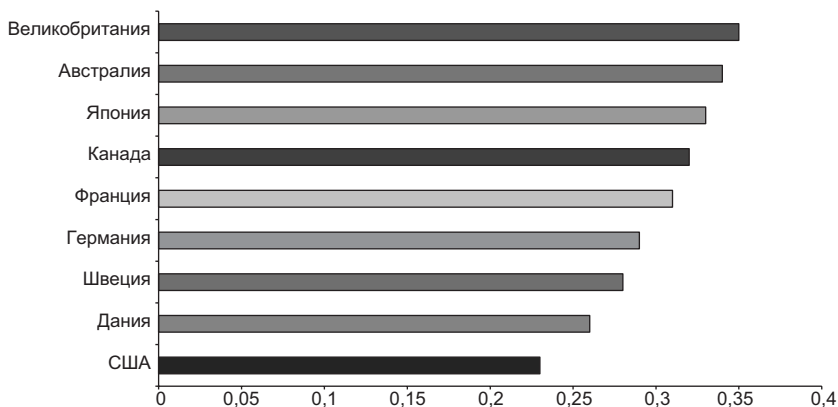

Рис. 2. Коэффициент Джини по располагаемым доходам, развитые страны, 2016 г.

Источники: США: [Early, 2018]; остальные страны: [Organisation for Economic Co-operation and Development, 2018].

Другой, не менее популярный показатель неравенства — это доля верхнего (богатейшего) 1% в совокупных доходах населения. В последние десятилетия он получил широкую популярность благодаря серии публикаций команды Т. Пикетти. Из этих публикаций следовало, что в США плоды экономического роста практически целиком достаются узкой группе сверхбогачей, тогда как на долю всех остальных не остается вообще ничего [Piketty, Saez, 2003]. Растираживанный СМИ, этот вывод вызвал огромный общественный резонанс и воспринимается сегодня американским общественным мнением как твердо установленный факт.

В табл. 2 приведены результаты новейшего исследования Пикетти и его соавторов [Piketty, Saez, Zucman, 2018]. По их расчетам, с 1979 г. по 2014 г. доля богатейшего 1% в суммарных рыночных доходах американцев выросла на 9 п.п., а в суммарных располагаемых доходах — на 6,5 п.п. Казалось бы, нам не остается ничего другого как признать, что США

окончательно и бесповоротно перестали быть страной равных экономических возможностей.

Таблица 1. Распределение конечного дохода домохозяйств по квинтилям, США, 2013 г., %

	Рыночный доход	Располагаемый доход, официальные оценки	Располагаемый доход, скорректированные оценки
Нижний квинтиль	2,2	8,3	12,9
Второй квинтиль	7,0	11,1	13,9
Средний квинтиль	12,6	14,5	15,4
Четвертый квинтиль	20,5	19,8	18,6
Верхний квинтиль	57,7	46,2	39,3
Верхний 1%	17,4	12,5	10,1
	Соотношения между доходами в разных квинтилях, раз		
Верхний квинтиль/ нижний квинтиль	26,6	5,6	3,0
Средний квинтиль/ нижний квинтиль	5,8	1,7	1,2
Верхний квинтиль/ средний квинтиль	4,6	3,2	2,6

Источник: [Early, 2018].

Однако два ведущих специалиста по налоговой статистике, Г. Аутен и Д. Сплитнер, подвергли оценки команды Пикетти пересчету и получили совершенно другие цифры [Auten, Splinter, 2018]. По их выкладкам, за период 1979–2014 гг. доля богатейшего 1% в суммарных рыночных доходах американцев выросла лишь на 4 п.п., а в их суммарных располагаемых доходах – вообще лишь на 0,7 п.п. (табл. 2). Де-факто это означает, что располагаемые доходы сверхбогачей росли ровно теми же темпами, что и у остальных групп населения, так что ни о каком взрывном росте неравенства говорить не приходится. Сегодня доля богатейшего 1% в располагаемых доходах жителей США остается практически такой же, какой она была полвека тому назад.

Таблица 2. Доля верхнего 1% в совокупных доходах жителей США, 1960–2014 гг., %

	1960	1979	2014	Разность, 1960–2014	Разность, 1979–2014
Пикетти/Саец/Цакман: рыночные доходы	12,6	11,2	20,2	7,6	9,0
Аутен/Сплитнер: рыночные доходы	11,4	10,1	14,3	2,9	4,1
Пикетти/Саец/Цакман: располагаемые доходы	10,0	9,1	15,7	5,6	6,5
Аутен/Сплитнер: располагаемые доходы	8,5	8,1	8,8	0,3	0,7

Источники: [Piketty, Saez, Zucman, 2018; Auten, Splinter, 2018].

Причина расхождений в оценках и выводах конкурирующих исследовательских команд все та же: произвольные допущения плюс неполный учет налогов и трансфертов. Любопытно, что почти *половина* общего разрыва между оценками Пикетти/Саеца/Цакмана, с одной стороны, и оценками Аутена/Сплитнера, с другой, объясняется тем, что они использовали разные процедуры «вменения» *незарегистрированных доходов* – тех самых доходов, что не попадают в поле зрения налоговых служб. Таким образом, решающим фактором оказывается то, каким группам в конечном счете будут приписаны эти доходы. Вменив основную часть незарегистрированных доходов богатым, получаем картину взрывного роста неравенства; вменив основную их часть небогатым, получаем картину полного отсутствия роста неравенства.

Это возвращает нас к уже заданному ранее вопросу (да-да, риторическому): неужели на столь хлипкой статистической основе можно выносить безапелляционные нормативные вердикты, призывая государство к принятию жесточайших мер по ограничению неравенства?

Судьбы глобального неравенства

Мрачные прогнозы о том, какие потрясения из-за неравного распределения доходов и богатства грозят человечеству уже в ближайшие годы, заставляют предполагать, что глобальное неравенство в последние десятилетия росло как на дрожжах. Но так ли это в действительности?

Воспользуемся оценками Бранко Милановича, одного из наиболее известных и наиболее активных «борцов» с неравенством. В течение многих лет он возглавлял подразделение Мирового банка по этой теме, а после выхода в отставку завел посвященную ей собственную базу страновых данных. Я хотел бы особо подчеркнуть «мейнстримность» его оценок, чтобы предупредить возможные сомнения в их происхождении и качестве.

Динамика четырех альтернативных показателей глобального неравенства, на которые ссылается Миланович, представлена на рис. 3. Что мы видим? Первый показатель – коэффициент Джини для среднедушевых уровней ВВП (пунктирная линия) – рос до 2000 г., но затем устремился вниз, сократившись по сравнению с пиковыми значениями более чем на 5 п.п. Однако этот показатель не слишком информативен, поскольку при его подсчете крупные и малые страны – скажем, Китай и Андорра, – получают одинаковые веса. Коэффициент Джини для среднедушевых уровней ВВП, взвешенных по численности населения в соответствующих странах (сплошная линия), демонстрирует еще более впечатляющую картину. Перелом в его динамике в сторону снижения произошел раньше (в 1980 г.), а примерно с середины 1990-х годов скорость, с какой он продолжал снижаться, стала просто невероятной. В итоге за последние сорок лет он потерял почти 20 п.п.!

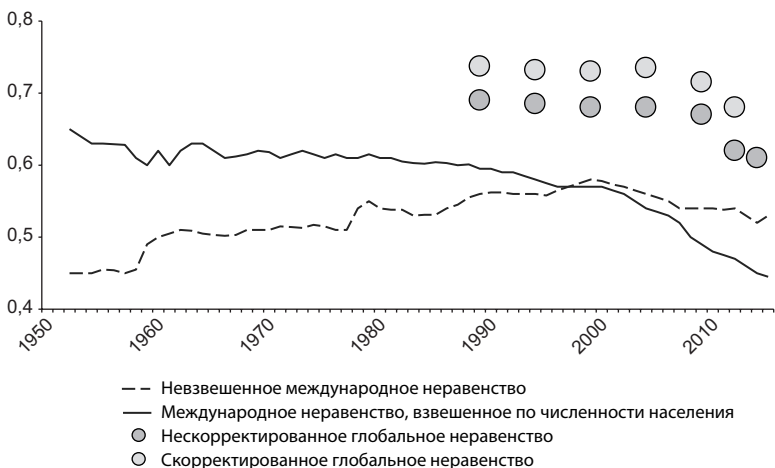

Рис. 3. Динамика коэффициента Джини по доходам, Россия, 1991–2016 гг.

Источник: [Milonovic, 2017].

Однако сокращение *межстранового* неравенства могло перекрываться увеличением *внутристранового* неравенства (скажем, в тех же Индии и Китае). В результате глобальное неравенство — с учетом дифференциации доходов внутри отдельно взятых стран — могло не только не уменьшиться, но возрасти. Две другие кривые, обозначенные на графике темно-серыми и светло-серыми маркерами, — это траектории изменения нескорректированного и скорректированного показателей глобального неравенства. Первый рассчитывался Милановичем по данным обследований домохозяйств в соответствующих странах, второй — по тем же данным обследований домохозяйств, но с корректировкой на доходы «сверхбогачей» из списка-400 журнала «Форбс». Согласно полученным результатам, нескорректированный глобальный коэффициент Джини начал снижаться на рубеже 1980 — 1990-х годов, потеряв к настоящему времени почти 10 п.п. Кривая для скорректированного глобального коэффициента Джини развернулась вниз позднее, и его снижение было менее значительным — около 5 п.п. Важно тем не менее подчеркнуть, что вопреки мейнстримному нарративу *ни один* из индикаторов глобального неравенства не демонстрировал в последние годы признаков роста: все они дружно катились вниз.

Сам Миланович считает разворот трендов глобального неравенства эпохальным событием. «Мы видим нечто, — пишет он, — что может иметь огромную историческую значимость; похоже, впервые со времени Промышленной революции наблюдается снижение глобального неравенства. Впервые за два столетия — после длительного периода, в течение которого оно росло и затем находилось на очень высоком плато — глобальное неравенство перешло, по-видимому, на нисходящую траекторию движения» [Milanovic, 2012]. Он предсказывает, что если страны с формирующимися рынками продолжат расти быстрее, чем развитые, то в ближайшие 50 лет мир, возможно, вернется к ситуации с низким глобальным неравенством, в которой он пребывал в начале XIX в. [Ibid.].

Более того, я готов утверждать, что за последние несколько десятилетий глобальное неравенство в благосостоянии людей сократилось не на несколько процентных пунктов, как полагает Миланович, а на порядок сильнее. К сожалению, данные о глобальном неравенстве в пожизненных доходах остаются недоступными. Но если бы они существовали, то наверняка показали бы резкое сжатие масштабов общемирового экономического неравенства. Почему? Потому что за эти десятилетия развивающиеся страны радикально сократили отставание от развитых по ожидае-

мой продолжительности жизни. С 1970 по 2010 г. ожидаемая продолжительность жизни в развитых странах выросла лишь на 6 лет, тогда как в развивающихся — на 20 лет и даже в самых бедных из них — на 12 лет. Очевидно, что это должно было драматически сократить разрыв в пожизненных доходах между жителями развитых и развивающихся стран.

Но если все это так, то тогда вместо того, чтобы объявлять начало XXI в. патологическим периодом в истории человечества, может быть, правильнее расценивать его как период уникального социального прогресса и думать не столько о шагах по борьбе с неравенством, сколько о шагах, способных ускорить рост мировой экономики?

А что Россия?

Что касается России, то уж с ней, казалось бы, все кристально ясно. Эксперты, журналисты, широкая публика убеждены, что в России сложилось и поддерживается чудовищное, сверхъестественное, запредельное экономическое неравенство (как полагают многие, самое высокое в мире) и что сегодня именно оно является проблемой всех проблем. Ну, какие сомнения могут быть в этом «медицинском» факте? Как ни странно, но могут.

На рис. 4 представлена динамика показателей неравенства для России, рассчитываемых и публикуемых Росстатом. На старте переходного периода в 1992 г. коэффициент Джини по доходам сначала немного повысился, затем в 1993 г. по невыясненным причинам резко подскочил вверх, раздувшись за один год более чем на треть (!), а после этого на протяжении всех остальных лет топтался на месте, «болтаясь» в узком коридоре значений от 0,39 до 0,42. В последние годы он, похоже, начал пусть медленно, но все же снижаться, опустившись к 2017 г. до отметки 0,412.

Много это или мало на фоне других стран? Строго говоря, ни то ни другое. Отправляясь от значений коэффициента Джини, которые фиксирует Росстат, Россию следовало бы отнести к группе стран-середняков. Правда, с двумя уточнениями.

Первое: в тех случаях, когда домохозяйство состоит из нескольких человек, возникает проблема, как распределять между ними семейный доход. Простейший способ — поделить совокупный доход домохозяйства на число членов. Именно так и поступает Росстат. Однако в статистической практике других стран подобный «лобовой» подход давно не

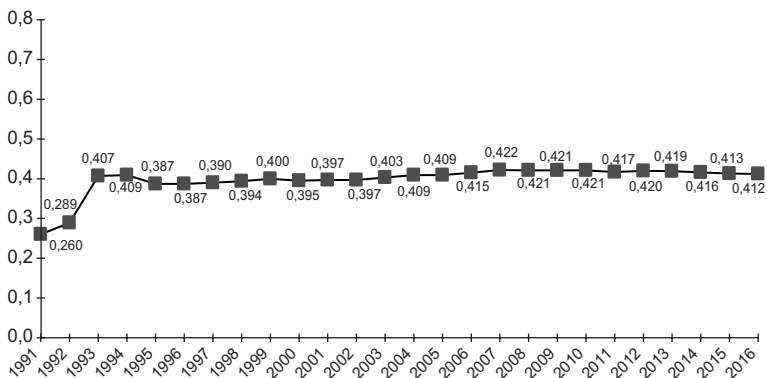

Рис. 4. Динамика глобальных коэффициентов Джини по доходам, 1950–2015 гг.

Источник: Росстат.

используется. Дело в том, что совместное проживание нескольких людей под одной крышей может становиться источником значительной экономии на масштабе, так что для того, чтобы достичь того же уровня благосостояния, что у домохозяйства из одного человека, домохозяйству из двух человек оказывается совсем не обязательно иметь вдвое больший доход. Для учета эффекта масштаба разрабатываются и используются специальные шкалы эквивалентности. Скажем, совокупный доход домохозяйства делится не на число членов, а на квадратный корень из их числа (не на 2, а на 1,4; не на 3, а на 1,7; не на 4, а на 2, и т. д.). Применение шкал эквивалентности сглаживает неравенство в распределении доходов, делая его более равномерным. Но поскольку Росстат никаких шкал эквивалентности не применяет, официальные российские показатели неравенства оказываются искусственно завышенными по сравнению с аналогичными показателями для других стран. Интуитивно кажется достаточно правдоподобным, что при учете эффекта масштаба они могли бы снизиться не менее чем на 6–8 п.п.

Второе: Россия наряду с Бразилией, Китаем или США принадлежит к числу стран с гигантской территорией и огромным разнообразием природных и климатических условий. Естественно ожидать, что показатели неравенства у таких стран будут намного выше, чем у небольших и географически однородных стран. Но межрегиональные различия в доходах во многом представляют собой компенсацию за проживание в не-

благоприятных природных и климатических условиях. (В противном случае мы бы наблюдали массовую миграцию на Дальний Восток и Крайний Север, где заработки выше; однако реальные миграционные потоки развернуты в обратном направлении.) Поэтому если бы в целях сопоставимости с данными по другим странам мы произвели хотя бы частичную корректировку российских показателей на вклад региональных факторов, коэффициент Джини для России снизился бы еще на несколько процентных пунктов.

Нельзя исключить, что с двумя этими поправками официальные оценки неравенства для России из средних стали бы низкими.

В совершенно ином свете российская ситуация с распределением доходов и богатства предстает в недавней совместной работе Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Цакмана [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017]. Во-первых, по их расчетам, уровень неравенства в России намного выше, чем показывает официальная статистика: так, коэффициент Джини по доходам составляет не 0,41, а 0,55. Во-вторых, общая динамика российских показателей неравенства выглядит совсем не так, как ее изображает Росстат. На рис. 5 представлены траектории изменения для двух альтернативных версий коэффициента Джини, разработанных командой Пикетти.

В первом случае (нижняя линия) использовались только данные обследований домохозяйств. Согласно этому варианту расчета, на протяжении двух последних десятилетий неравенство в России почти непрерывно увеличивалось: с 0,36 в 1996 г. оно выросло до 0,48 в 2007 г. Правда, затем коэффициент Джини немного снизился, потеряв к 2015 г. примерно 2 п.п. Во втором случае (верхняя линия) также использовались данные обследований домохозяйств, но на этот раз с добавлением данных налоговой статистики. Согласно этому варианту расчета, пик неравенства в России пришелся на 1996 г., когда коэффициент Джини вышел на отметку 0,64. В последующие годы на фоне достаточно сильных краткосрочных колебаний неравенство в России постепенно снижалось, упав к 2015 г. до 0,55. Оценки команды Пикетти предполагают, что в России за два последних десятилетия неравенство среди низко- и среднедоходных групп резко возросло (о чем говорят опросные данные), тогда как неравенство среди высокодоходных групп резко упало (о чем говорят данные налоговой статистики).

Еще одну историю, не имеющую ничего общего с двумя предыдущими, рассказывают эксперты Мирового банка [Calvo, Luyez-Calva, Posad,

2015]. (Самое забавное, что их анализ строился на данных из того же источника, которым пользовалась команда Пикетти, – Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения). По оценкам этих исследователей, за последние полтора десятилетия неравенство в России устойчиво и быстро снижалось (рис. 5). С 1998 по 2012 г. коэффициент Джини уменьшился почти на треть: с 0,49 в 1998 г. до 0,33 в 2012 г. Сжатие неравенства более чем на 15 п.п. за столь непродолжительный период – это поразительный результат.

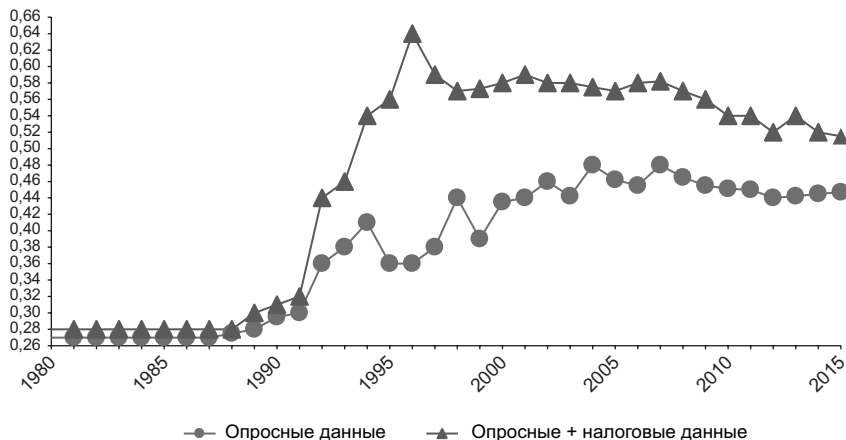

Рис. 5. Динамика коэффициента Джини по доходам, Россия, 1980–2015 гг.

Источник: [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017].

Наконец, в качестве завершающего штриха сошлемся на оценки для представительной выборки из 53 стран, полученные П. Линдертом, одним из наиболее авторитетных современных исследователей проблем неравенства (скажем, Т. Пикетти активно использовал его данные в своем бестселлере «Капитал в XXI веке»). Важное достоинство сформированной Линдертом базы данных состоит в том, что она содержит страновые оценки коэффициентов Джини как по рыночным, так и по располагаемым доходам [Lindert, 2017].

Согласно этим оценкам, по масштабам неравенства в рыночных доходах с показателем 0,49 Россия занимает 18-е место (табл. 3). Выше нее располагается примерно треть всех вошедших в выборку стран, включая Аргентину, Бразилию, Грузию, Грецию, Ирландию, Мексику, Португалию, Чили, Южную Африку; практически встык с ней идут Испания и

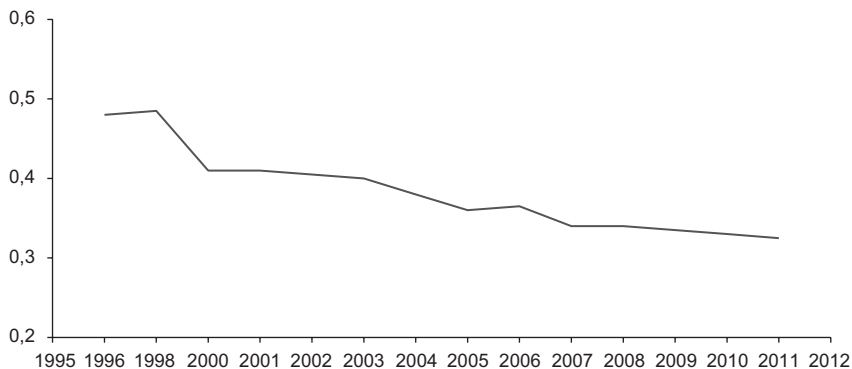

Рис. 6. Динамика коэффициента Джини по доходам, Россия, 1995–2015 гг.

Источник: [Calvo, Lyppez-Calva, Posad, 2015].

США. В то же время по масштабам неравенства в располагаемых доходах Россия с показателем 0,32 оказывается на гораздо более низком 32-м месте, пропуская вперед себя Бразилию, Великобританию, Грецию, Грузию, Израиль, Испанию, Италию, Латвию, Мексику, Канаду, Новую Зеландию, Португалию, США, Турцию, Чили, Эстонию, Южную Африку. Практически вровень с ней идут Австралия, Аргентина, Германия, Ирландия, Польша, Франция, Япония. Таким образом, если с точки зрения распределения рыночных доходов Россия входит в группу стран со *средними*, то с точки зрения распределения располагаемых доходов — с *низкими* показателями неравенства.

Данные Линдберга позволяют также ранжировать страны по степени «прогрессивности» действующих в них перераспределительных систем. Судить об этом можно по тому, какая доля неравенства «исчезает» после выплаты налогов и предоставления трансфертов (по сути, речь идет о разности между коэффициентами Джини по рыночным и по располагаемым доходам.) Поразительно, но Россия оказывается страной с одной из самых высоких в мире перераспределительных прогрессий! С чрезвычайно внушительным показателем, равным 17 п.п., она занимает *четвертое* место (!) среди 53 стран, вошедших в выборку Линдберга.

Увы, боюсь, что после этого экскурса нам не остается ничего другого как признать, что реальных масштабов существующего сегодня в России неравенства не знает никто. То ли оно высокое (команда Пикетти), то ли среднее (Росстат), то ли низкое (Линдберг); то ли оно росло (ко-

Таблица 3. Масштабы перераспределения в 53 странах, коэффициенты Джини, %

Страна	Годы	Неравенство по рыночным доходам	Неравенство по располагаемым доходам	Степень прогрессивности перераспределения	Государственные трансферты как % ВВП
Аргентина	2012/2013	50,2	29,8	20,4	19,6
Армения	2011	46,9	35,7	11,3	8,6
Австралия	2013	42,4	32,1	10,3	18,7
Австрия	2013	42,6	28,1	14,5	27,6
Бельгия	2013	42,7	26,6	16,0	29,3
Боливия	2009	50,3	44,6	5,6	10,0
Бразилия	2008/2009	59,3	45,2	14,1	19,9
Канада	2013	41,1	32,5	8,6	16,8
Чили	2013	50,3	41,9	8,3	10,2
Колумбия	2010	57,2	50,6	6,6	9,3
Коста-Рика	2010	51,2	40,0	11,2	14,1
Чехия	2013	38,7	25,9	12,8	20,3
Дания	2013	40,1	25,5	14,7	29,0
Доминиканская республика	2006/2007	51,4	45,8	5,6	5,1
Эквадор	2011/2	48,2	40,0	8,2	6,2
Сальвадор	2011	43,7	39,4	4,3	7,4
Эстония	2013	45,0	35,7	9,3	15,9

Страна	Годы	Неравенство по рыночным доходам	Неравенство по располагаемым доходам	Степень прогрессивности перераспределения	Государственные трансферты как % ВВП
Финляндия	2013	42,2	26,2	16,0	29,5
Франция	2013	44,5	29,4	15,1	31,5
Грузия	2013	50,7	38,3	12,4	9,3
Германия	2013	41,9	29,9	12,1	24,8
Греция	2013	51,2	35,3	15,9	28,0
Гватемала	2011	51,1	48,7	2,4	4,5
Гондурас	2011	56,1	53,8	2,3	4,0
Венгрия	2013	41,1	28,7	12,4	22,1
Исландия	2013	33,7	24,6	9,1	16,6
Иран	2011/2012	42,9	34,3	8,5	12,2
Ирландия	2013	53,3	31,6	21,6	20,2
Израиль	2013	42,4	34,1	8,3	16,2
Италия	2013	44,5	32,9	11,6	28,6
Япония	2013	37,6	32,0	5,6	23,1
Южная Корея	2013	30,5	28,0	2,5	9,7
Латвия	2013	43,3	34,5	8,8	14,4
Мексика	2010	50,9	42,9	8,0	7,9
Нидерланды	2013	39,6	28,4	11,2	22,9
Никарагуа	2009	48,2	43,5	4,7	6,1

Страна	Годы	Неравенство по рыночным доходам	Неравенство по располагаемым доходам	Степень прогрессивности перераспределения	Государственные трансферты как % ВВП
Норвегия	2013	37,7	26,2	11,5	19,4
Новая Зеландия	2013	41,6	33,0	8,6	21,8
Перу	2009	50,3	46,4	3,9	6,5
Польша	2013	42,3	30,4	11,9	19,0
Португалия	2013	49,6	34,5	15,2	25,5
Россия	2010	49,1	32,3	16,8	17,2
Словакия	2013	37,2	27,0	10,2	18,1
Словения	2013	41,7	25,5	16,2	24,0
Южная Африка	2009/2010	77,1	59,5	17,6	10,6
Испания	2013	47,9	35,2	12,7	26,3
Швеция	2013	38,3	28,1	10,2	27,4
Швейцария	2013	34,0	28,7	5,3	19,2
Турция	2013	40,3	38,2	2,1	13,4
Великобритания	2013	47,1	35,3	11,8	21,9
Уругвай	2009	52,8	38,6	14,3	17,9
США	2013	47,8	39,2	8,6	18,8
Венесуэла	2012	41,1	34,1	7,0	15,7

Источник: [Lindert, 2017].

манда Пикетти), то ли стояло на месте (Росстат), то ли быстро снижалось (эксперты Мирового банка). Есть варианты на любой вкус.

Отсюда вопрос (опять риторический): можно ли исходя из этой статистической какофонии объявлять Россию страной с запредельно высоким неравенством и требовать, чтобы государство сделало его не больше, чем в «цивилизованных» странах?

* * *

В заключение позволю себе выйти за жанровые границы документального рассказа и дать политико-идеологическую оценку развернувшейся в последние годы всемирной кампании по борьбе с неравенством.

Внутренним мотором этой кампании является попытка левых сил обновить свою идеологическую повестку. К концу XX в. традиционная «левая» повестка либо исчерпалась (были похоронены идеи государственной собственности, централизованного планирования, рабочих кооперативов), либо утратила новизну и мобилизационный потенциал. Можно, конечно, и дальше бороться за права меньшинств, но былой энтузиазм как-то повыветрился. Можно, конечно, и дальше воевать с глобальным потеплением, но драйв все-таки уже не тот.

Переход левых сил в активное контрнаступление стал возможен тогда, когда на передний план выдвинулась проблема неравенства, что создало условия для дальнейшего усиления их дискурсивной власти над умами людей. По времени это совпало с введением в научный оборот огромного массива данных по распределению доходов и богатства. Неравенство — необыкновенно духоподъемная тема, поскольку враг известен в лицо и можно сразу же переходить в атаку. Общество оказывается психологически готово мириться с любыми формами государственного вмешательства, если оно объявляется направленным на борьбу с неравенством. Важно также, что для многих «левых» это всего лишь первый шаг — подготовка почвы для возрождения их прежних социалистических и полусоциалистических идеалов.

Но борьба с количественным неравенством — это борьба с тенью. Она вдохновляется не просто ложной, но, как я пытался показать, фантомной целью. Нет слов, война с фантомами занятие крайне увлекательное, но одновременно ведь и крайне опасное. Она с легкостью заводит туда, куда идти никто и не собирался. Двадцатый век дал немало уроков того, куда может приводить погоня за фантомами, и в двадцать первом веке хорошо бы эти уроки не забывать.

Литература

Auten G., Splinter D. (2018) *Income Inequality in the United States: Using Tax Data to Measure Long-Term Trends*. Washington, DC: Joint Committee on Taxation.

Calvo P.A., Lyepez-Calva L.F., Posad J. (2015) *A Decade of Declining Earnings Inequality in the Russian Federation*. Washington: The World Bank. WPS No. 7392.

Congressional Budget Office. (2016) *The Distribution of Household Income and Federal Taxes, 2013*. Washington: US Congress.

Early J.F. (2018) *Reassessing the Facts about Inequality, Poverty, and Redistribution*. Washington: Cato Institute Policy Analysis Paper No. 839.

Journal of Economic Inequality. 2015. Vol. 13. No. 4.

Lindert P.H. (2017) *Rise and Future of Progressive Redistribution*. Tulane: CEQ Institute. CEQ Working Paper No. 73.

Milanovic B. (2012) *Global Income Inequality by the Numbers: In History and Now. An Overview*. Washington: World Bank. Policy Research Working Paper No. 6259.

Milanovic B. (2017) *Inequality in the Age of Globalization*. Lecture in Honor of Anthony A. Atkinson. Brussels: Annual Research Conference (https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/00.keynote_milanovic.pdf).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016*. Washington: The World Bank. Working Paper Series No. 2017/09.

Organisation for Economic Co-operation and Development (2018) *Income Inequality (indicator) (10.1787/459aa7f1-en, <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>)*.

Piketty T., Saez E. (2003) *Income Inequality in the United States, 1913–1998 // Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118. No. 1. P. 1–41.

Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) *Distributional National Accounts: Methods and Estimates for the United States // Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 2. P. 519–578.

Kapeliushnikov, R.I.

Is economic inequality a Universal evil? [Text] : Working paper WP3/2019/01 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. — 28 p. — (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). — 66 copies.

Using published estimates of inequality for two countries (Russia and USA) the paper demonstrates that inequality measuring still stays in a state of “statistical cacophony”. Under this condition it seems at least untimely to pass categorical normative judgments and offer radical political advices for governments. Moreover the mere practice to draw normative conclusions from quantitative data is ethically invalid since ordinary people (non-intellectuals) tend to evaluate wealth and incomes as admissible or inadmissible not on the basis of their size but on the basis whether they were obtained under observance or violations of rules of “fair play”. Author concludes that a current large-scale ideological campaign of “struggle against inequality” has been unleashed by left-wing intellectuals in order to strengthen even more their discursive power over public.

Препринт WP3/2019/01
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Экономическое неравенство – вселенское зло?

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 66 экз. Уч.-изд. л. 1,8,
Усл. печ. л. 1,7. Заказ № . Изд. № 2086

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»